

Образцовый гражданин в Афинском полисе: проблемы общественного долга и идеалов

В основу строительства Афинского демократического полиса его гражданами были заложены два фундаментальных принципа – свобода и равноправие. Свобода («элеветерия») в понимании афинянина была трехчленной: в международно-правовом смысле она означала свободу полиса; в социальном смысле она противопоставлялась рабству (дулейя); в конституционном плане для каждого гражданина она имела двойкий характер: с одной стороны, предполагала участие его в управлении делами полиса, с другой, свободу от правительственных или иных ограничений, стесняющих индивидуальную свободу. «Одно из условий свободы – по очереди быть управляемым и править», второе – «жить так, как каждому хочется» [2].

Прямая демократия Афинского полиса, главной ценностью, которого был его гражданин, а само государство существовало, охраняемое личным участием каждого [14], строилась на трех основополагающих принципах:

- *исономия* – равенство всех перед законом; не разрешалось издавать законы, касающиеся только одного человека, если они не распространялись равным образом на всех граждан Афин [10];
- *исегория* – равная свобода слова: выступать перед народом мог любой желающий гражданин и лишь тогда, когда считал нужным [27], свобода речи считалась общим достоянием [7];
- *исократия* – равноправность граждан в законотворческой деятельности.

Экономическая основа полиса – античная форма собственности, особенность которой в двойственности ее характера: являясь государственной собственностью, она в то же время является собственностью частной. Отсюда – наличие мощного слоя средних собственников. Экономическое единство города и сельской округи обеспечивало автаркичное существование полиса.

Юридической основой существования классического полиса был закон. Демосфен подчеркивал, что благодаря законам «существует равенство для вас всех, и всеми благами, которыми вы пользуетесь, вы обязаны именно законам» [9]. Ни одна псефизма, ни одно судебное решение не могли ставиться выше закона [1; 5; 11]. Чтобы избежать наличия противоречащих законов еще Солон, по словам Демосфена, повелел оглашать принимаемый закон перед статуями эпонимов и передавать его секретарю, который, в свою очередь, должен был про-

честь его в Народном собрании, чтобы каждый из граждан, прослушав текст несколько раз и на досуге поразмыслив, проголосовал за утверждение закона, если находил его содержание справедливым и полезным [8].

Основой, религиозной гарантией демократии была клятва. По убеждениям древних греков, не присягнувший обманщик мог избежать опасности и остаться безнаказанным за совершенное преступление, но человек, нарушивший клятву, данную богам, «не скроется от них и не избежит наказания, и если не он сам, то дети его и весь род клятвopеступника попадут в большие беды» [15].

Идеологической основой полиса являлась общеполисная мораль – в процессе общественного производства развитие личностных отношений происходило не только в рамках социально-производственных отношений, но и в рамках социального сознания и мотивации общественных поступков, т. е. в сфере социальной психологии. Оратор Эсхин перечисляет качества, присущие «другу народа» (т. е. демократу), как идеальные ориентиры:

- он должен быть свободнорожденным как по отцу, так и по матери, чтобы из-за «неблагополучного происхождения в нем не встала обиды на законы, которыми держится народная власть;
- предки его должны иметь заслуги перед народом или, по крайней мере, не иметь никакой вражды с народом, чтобы месть за невзгоды предков не толкнула его против нашего государства;
- он должен быть умерен и здравомыслен в повседневном образе жизни, чтобы из-за разнузданного образа жизни не поддаться подкпу во вред народу;
- он должен быть благомыслящим и красноречивым, чтобы брать наилучшее решение и уметь убедить в этом слушателей;
- он должен быть мужественен духом, чтобы не покинуть народ в час беды и опасности [28].

Социальная основа полиса – внутреннее социальное сотрудничество основных групп гражданского коллектива: сравнительно немногочисленной прослойки знати, столь же немногочисленной прослойки низших слоев и основной массы мелких и средних собственников. Это сотрудничество находило выражение в своеобразном налоге кровью – обязанности служить в войске, защищая общее дело полиса, а для богатых еще в исполнении целого ряда материальных повинностей, *литургий*, которые служили способом определенного перераспределения прибылей, получаемых крупными собственниками от своих рабов, в пользу всего гражданского коллектива [24, с. 13]. Все граждане Афинского полиса были, таким образом, объединены осознанием по-

лисного единства, проявлявшегося в высшем патриотизме. Коллектив граждан четко отграничивал себя от остальных жителей полиса.

Свободолюбивые граждане Афин постоянного подоходного налога не платили. Прямая подать (эйсфора) относилась к экстраординарным доходам государства, она взималась на военные надобности только по особому народному определению, исходя из оценки имущества. Подоходный налог заменяли литургии – натуральные повинности, которые несли владельцы имущества, оцененного в 3 таланта (1 талант – весовая и счетная единица весом 26196 гр. Серебра) и выше.

Литургии выполняли двойную функцию: избавляли государство от многих расходов и служили своего рода социально-экономическим регулятором перераспределения в пользу малоимущих, ограничивая сосредоточение богатства в одних руках. Главными видами литургий были: *триерархия* – снаряжение военного корабля (триеры), *хорегия* – снаряжение хора для драматического представления или музыкального состязания, *гимнасиархия* – устройство гимнастических игр.

В Афинах только два государственных корабля, «Парал» и «Саламиния» содержались за государственный счет. Остальные военные суда снаряжались на средства граждан, несших литургию-триерархию. Триерарх в Афинах – гражданин, снаряжавший за свой счет триеру и в течение года командовавший ею. В обязанности хорегга входило: набор певцов для хора – хоревтов, содержание их на время обучения и выплата жалования, предоставление помещения для занятий, при необходимости приглашение особого учителя за плату, выплата вознаграждения музыкантам, оплата изготовления костюмов и масок. Хорег-победитель получал в награду венки, за свой счет ставил в храме доску с записью о победе. Гимнасиархия состояла в устройстве гимнастических игр во время некоторых праздников: набор гимнастов, их подготовка и содержание, а также организация лампадодромий – ночного бега с восковыми факелами, посвященного богам, культ которых был связан с огнем и светом. Весьма престижной литургией считалась *архифеория* – снаряжения ежегодных «священных посольств» (феорий) в Дельфы и другие священные места на праздники и игры. Большую популярность литургии приносили общественные угощения (*гестиасии*).

Всякий гражданин, которому наложенная литургия казалась непосильной или несправедливой, мог предложить ее более богатому, при отказе последнего имел право потребовать от него обмена (*антидосис*) имуществом. Таким образом, к исходу архаической эпохи (рубеж VI–V вв. до н. э.) афинское демократическое общество выработало свою систему ценностей и моральных ориентиров для своих граждан. «Деньги тогда не были мерилом счастья; самым надежным и честным богатст-

вом считалось доброе имя у современников и слава, оставляемая потомкам» [13].

Государственные деятели своим долгом считали увеличивать мощь государства личными взносами. Перикл украсил город храмами и памятниками, внес в казну на Акрополе не менее 10 тыс. талантов [12]. Дома Аристиды, Мильтиада и других знаменитых людей того времени не были великолепнее дома соседа; они думали не о личном обогащении, а о том, как приумножить государственное достояние; в общегреческих делах они соблюдали честность, в делах, касающихся богов – благочестия, а во взаимных отношениях – равенство и поэтому они достигли великого благополучия [6].

Источники позволяют проанализировать, как эта система воспринималась афинскими гражданами в последующие времена. Одним из таких источников являются речи популярного в классических Афинах логографа («писателя речей»), метека высшего разряда (исотелес) Лисия. В этом плане любопытна защитительная речь по обвинению в лихоимстве, названная анонимной, так как не содержит имени производящего [20]. Обвиняемому грозил не только большой штраф, который для него равносильно потери состояния, но и *атимия* – лишение гражданских прав. Обращаясь к судьям, обвиняемый просит, умоляет и закликает их не считать его виновным в лихоимстве: «Не думайте, что есть на свете столько денег, ради которых я захотел бы причинить какой-нибудь вред отечеству» (§ 21). Он приводит веские доказательства в пользу того, что его жизнь – это жизнь образцового гражданина:

- он много раз занимал государственные должности и считает честью для себя исполнять гражданские обязанности в большей мере, чем того требовал закон;
- он не видит «ничего ужасного в том, что, окончив жизнь в сражении за отечество» оставит сиротами жену и детей; гораздо более страшным кажется ему, «позорно спасши жизнь, покрыть срамом и себя и их»;
- он абсолютно уверен в том, что государство должно быть заинтересованно в богатстве своих граждан: «вы должны молить богов, чтобы все были такими гражданами; тогда никто не будет посягать на ваше достояние, а все будут тратить свое на вас» (§ 15);
- он, ограничивая расходы на свои личные нужды, употребляет богатство на дорогостоящие государственные литургии;
- он сознает свои заслуги перед отечеством, и требует от государства признания этих заслуг.

Судя по датировке, приводимых им жизненных вех, ко времени произнесения речи этому гражданину было 26 лет: он был включен в состав совершеннолетних, т. е. ему исполнилось 18 лет, при архонте

Феопомпе – 411/410 г. до н.э. (§ 1). Его речь позволяет подсчитать, какие литургии он исполнил за восемь лет своего гражданства и какую потратил сумму.

Время	Литургии и другие государственные обязанности	Денежные
При архонте Феопомпе (411/410 г. до н.э.)	хорег трагического хора на фаргелиях (праздник в честь Аполлона и Артемиды в мас) одержал победу мужским хором	30 мин 2 тыс. драм
При архонте Главкиппе (410/409 г. до н.э.)	на Великих панафинеях (праздник в честь богини Афины в конце июля) истратил на пиррихинистов (пирриха – военный танец) хорег мужского хора, победившего на Дионисиях (март - апрель)	800 драм 5 тыс. драм
При архонте Диокле (409/408 г. до н.э.)	на Малых панафинеях потратил на киклический хор (круговой хор, исполняющий дифирамб – хвалебную песнь в честь Диониса, стоя вокруг его алтаря)	300 драм
При архонте Алексии (405/404 г. до н.э.)	гимнасиарх (руководитель гимнастическими играми) на Прометеях, одержал победу	12 мин
При архонте Пифодоре (404/403 г. до н.э. (?))	хорег детского хора	> 15 мин
При архонте Евклиде (403/402 г. до н.э.)	снаряжал комический хор для поэта Кефисодора и одержал победу хорег безбородых (юношеская группа) пиррихинистов на Малых панафинеях	16 мин 7 мин
	одержал победу в состязании триер в скорости при мысе Сунии (Сунион)	15 мин
	исполнял архифеории исполнял аррефории – для служения Афине ежегодно архонтом избирались две девочки, чьи родители должны были обеспечить их золотыми украшениями для церемоний, которые по оставлению девочками должности, оставались в сокровищнице храма	Всего: > 30 мин
В течение 7 лет	был триерархом	6 талантов

	военный налог - 1-й раз - 2-й раз	30 мин 4 тыс. драхм
Всего потрачено: 6 талантов 125 мин 10100 драхм, т. е. 9 талантов 46 мин.		
Учитывая, что 1 мина = 100 драхм = 433, 6 г серебра, 1 талант = 60 мин = 26196 гр. серебра, сумма 9 талантов 46 мин = 255 кг 709,6 гр. серебра		

Чтобы иметь полное представление о тратах гражданином в пользу полиса, отметим, что по данным Фукидида, накануне Пелопоннеской войны в казне Афин хранилось в качестве резерва 6 тыс. талантов серебра, афинские союзники обычно платили 400–460 талантов в год, а в годы войны – 1460–1500 талантов. В частности, Потидея в разные годы платила от 6 до 15 талантов, Менда – от 5 до 15, Теос – 6, Олиф – 2 и т. д. Таким образом, данный гражданин, на наш взгляд, имел все основания считать себя образцовым гражданином, который «гордится не тем, что у него остается, а своими тратами на государство» (§ 16).

Обвиняемый подчеркивает, что государственные повинности он выполняет *с удовольствием* (§ 16), что если бы он хотел исполнять литургии только по предписанию закона, то не истратил бы и четверти из перечисленного (§ 5). По мнению оратора, справедливее бы было считать народ афинский его должником, а не его обвинять в том, что он является должником народа. Он предостерегает государство от глумления над честно исполняющими литургии гражданами: во-первых, это увеличит число уклоняющихся от литургий, во-вторых, самым верным доходом государства следует считать имущество лиц, готовых исполнять литургии (§ 13).

Вызывает симпатию его признание в том, что в частной жизни для него «самая трудная литургия – это прожить всю жизнь человеком порядочным, нравственным, не быть рабом чувственных наслаждений, не соблазняться наживой, а вести себя так, чтобы никто из сограждан не сделал упрека и не осмелился вызвать в суд по частному делу (§ 19).

На другом судебном процессе (вероятно, не раньше 395 г. до н. э.) состоятельный афинский гражданин, отвергает обвинение в уничтожении священной маслины [16] – «нечестие», которое каралось изгнанием из отечества и конфискацией имущества. Он всячески подчеркивает свои качества добропорядочного гражданина, который никогда не нарушит закон. По его словам, все возложенные на него повинности он выполнял с большим усердием, чем к тому обязывало его государство, не жалея денег и не хуже других граждан: снаряжал военные суда, вносил военные налоги, устраивал хоры (§ 31). Он много раз сражался за отечество и на море и на суше, выказывал себя другом закона и поряд-

ка, держался в стороне от общественной деятельности, чтобы избежать суда и кляуз (§ 1), был бездетен и одинок (§ 41). Он считал бы себя несчастнейшим в мире человеком, если бы вопреки справедливости, ему пришлось бы идти в изгнание: мать будет в страшной нужде, и он лишится из-за гнуснейших обвинений столь славного отечества.

С призывом к судьям не осуждать человека, тратившего мало на себя, но много тратившего ежегодно на государство, а осуждать тех, которые проматывают на самые позорные удовольствия и отцовское наследство, и все, что получают, обращается шурин Аристофана в речи, в защиту имущества Аристофана [18]. Ко времени данного процесса (388/387 г. до н.э.) Аристофан и его отец Никофем, были казнены, отец самого оратора умер, обвиненный в присвоении части уже принадлежащего государству имущества Аристофана.

Оратору тридцать лет, он ведет достойную жизнь: отцу ни в чем не перечил; никто из сограждан не жаловался на него; хотя он жил близко от площади, до этого процесса никогда его не видели ни у суда, ни у Совета (§ 55); на остатки прежнего состояния он исполняет обязанность триерарха, которую до смерти исполнял его отец; по примеру отца, он думает о необходимости «припасать постепенно суммы для общественных надобностей» (§ 62); он содержит вдову Аристофана и троих его маленьких детей.

Теперь оратор пытается восстановить имя отца как достойного гражданина: в продолжение 50 лет его отец служил государству и деньгами и своим трудом, не стремился к государственной службе ради приумножения своего состояния, все хорегии исполнял, семь раз был триерархом, не уклонялся ни от одной траты – это все составило в общей сумме 9 талантов и 2 тысячи драхм (§ 58), что составляет 244 кг. 496 гр. серебра.

Кроме того, этот добропорядочный гражданин помогал некоторым нуждающимся согражданам выдать замуж дочерей и сестер, иных выкупал из плена, другим давал денег на похороны. В основе таких деяний лежали моральные убеждения: порядочный человек должен помогать друзьям (§ 59). Если в течение короткого срока человек может притворяться, то в течение 70 лет никто не скроет своего скверного характера (§ 60). Добропорядочный человек добропорядочен во всем. Поэтому словам обвинителей не следует верить больше, чем делам, совершенным во всю жизнь, и времени, которое является самым надежным средством обнаружения истины (§ 61).

Судя по речам логографов, на первый взгляд может показаться, что в качестве высшего стимула жизни добропорядочного гражданина по-прежнему действовал неизменный «идеальный», моральный стимул – одобрение сограждан, слава доброго гражданина. Литургии должны

были быть одним из средств достижения этой славы, ради нее и состязались в своей щедрости имущие.

Но, начиная с 20-х годов V в. до н.э., все чаще проводится мысль, подтачивающая устои исономии: образцовый гражданин щедро тратит на государство, и поэтому вправе пользоваться преимуществами в судебном процессе. Так, традиционными остаются доводы образцовой жизни, приведенные анонимным оратором, обвиненным в лихоимстве. Но на всем протяжении речи явственен основной мотив: обвиняемый, в награду за свои заслуги перед отечеством, должен быть оправдан по конкретно предъявленному иску. Каковы же причины эволюции такого поведения образцового гражданина?

Время Лисия (ок. 445–380 гг. до н.э.) – это время войны, поражения, переворотов; время общей нервозности, подозрительности, самовластия Народного собрания, в котором зачастую председательствовали и протаскивали свои решения сладкоречивые корыстолюбцы и взяточники; время выскочек и демагогов-риторов; время опрометчивых решений и поступков; время ложных доносов и обвинений. Афинская демократия была деморализована поражением Афин в Пелопоннесской войне (404 г. до н.э.). Вырождается прежний тип политического лидера-патриота. Гиперид (389–322 гг. до н.э.), характеризуя политических деятелей – ораторов, делит их на два типа: «Ораторы подобны змеям: ведь и змеи все вызывают ненависть, но из самих змей одни приносят вред людям, а другие (неядовитые) поедают этих» [4]. Политические деятели легко поддаются обману под воздействием новых идей, они «рабы всего необычайного и ненавистники того, что вошло в обычай» [26]. С печалью и огорчением следит за государственной разрухой гражданин: «...Негодия правят городом. А кто поступит раза два порядочно, тот двадцать раз окажется мошенником. Зовут другого, тот – подлее во сто крат» [3].

Конфискуемое государственными деятелями имущество идет не на пользу государству, а «часть его ими перехватывается, а другая часть, дорого стоящая, продается за бесценок» [19]. Казна оскудела. Смыслом новой торговой аристократии становится девиз: «Деньги делают человека». В судебной практике бывали случаи, когда богатый мог откупиться от суда [21], а обвиняемый, признанный виновным, получал прощение «за указания на славные дела предков и на свои собственные заслуги» [23].

Таким образом, в условиях нестабильной политической ситуации и утрате былых полисных ценностей, тратя на государство больше установленного, стремясь быть образцовым гражданином, человек старался заручиться своего рода индульгенцией. Внушительная сумма трат на государство должна быть достаточно убедительным доказа-

тельством того, что один и тот же человек не может много тратить на государство и в то же время с огромным риском для себя желать пользоваться общественным достоянием [17]. Таким образом, вводится формула «я даю, чтобы ты мне дал», «чтобы в случае какого-либо несчастья, выступить на суде с большей надеждой на успех» [22].

Это было время резкой имущественной и социальной дифференциации, когда полисная мораль оттеснялась новой психологией, новыми общественными идеалами. Это было опасное время для каждого, в том числе и для образцового гражданина. Это было время нарушения двух фундаментальных принципов демократии – свободы и равноправия, следовательно, упадка самой афинской демократии.

Система ценностей и моральных ориентиров, четко сформулированная в так называемой «Надгробной речи» Перикла в честь воинов, павших в первый год (431 г. до н.э.) Пелопоннесской войны, изложенной Фукидидом [25], претерпела большие изменения уже в ходе самой войны, но, в особенности, после ее окончания.

Через сто лет – в 330 г. до н.э., когда уже греческие полисы, потеряв независимость, были насильственно объединены под македонским владычеством, когда «перевелось все, что прежде единодушно признавалось лучшим», в том числе и «суды по закону», а судить стали «по злобе и по особым постановлениям» [29], оратор Эсхин перечисляет качества, присущие «другу народа», уже только как идеальные ориентиры.

Библиографический список

1. Андокид, О мистериях, 87
2. Аристотель, Полития, 1317a.
3. Аристофан, Женщины в народном собрании, 174-179
4. Гиперид, Против Демада, 19, 5.
5. Гиперид, Речь против Афиногена, III, 22.
6. Демосфен, III, 25-26.
7. Демосфен, IX, 3.
8. Демосфен, XX, 94.
9. Демосфен, XXI, 188.
10. Демосфен, XXIII, 86.
11. Демосфен, XXIII, 87; XXIV, 30.
12. Исократ, XXV, 231-235.
13. Исократ, Панегерик, 76.
14. Ликург, Речь против Леократа, 64
15. Ликург, Речь против Леократа, 79.
16. Лисий, VII.
17. Лисий, XIX, 56.
18. Лисий, XIX.
19. Лисий, XVIII, 16-20.
20. Лисий, XXI.

21. Лисий, XXIV, 17.
22. Лисий, XXV, 12-13.
23. Лисий, XXX, 1.
24. Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001. С. 13.
25. Фукидид, История, II, 34-46.
26. Фукидид, История, III, 38, 5.
27. Эсхин, III, 220.
28. Эсхин, Против Ктесифонта о венке, 169-170.
29. Эсхин, Против Ктесифонта о венке, 3-4.

М.Н. Начапкин (Екатеринбург)

Традиции российской благотворительности (на примере Марфо-Мариинской обители)

Марфо-Мариинскую обитель сестер милосердия основала в 1905 г. после убийства мужа, московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, великая княгиня Елизавета Федоровна (1864–1918). Продав свои драгоценности, Елизавета Федоровна купила на Большой Ордынке участок земли в полторы десятины. На купленных землях она основала обитель молитвы, труда и милосердия. Обитель начала свою деятельность 10 февраля 1909 г.

Согласно уставу 1910 г. в обитель принимались вдовы и девицы православного вероисповедания не моложе 21 года и не старше 40 лет, желающие посвятить свою жизнь служению Богу и ближним: «Послушания, возлагаемые на сестер, следующие: церковное, медицинское, просфорное, аптечное, рукодельное, по хозяйству, закупке материалов, уборке помещений, школьное и т. д. Кроме того, все сестры без исключения должны были посещать бедных, принося им по мере сил и возможности облегчение духовное и физическое, так как главная цель обители – приносить помощь бедным...» [1, с. 337].

Социальная помощь осуществлялась по нескольким направлениям. В обители была построена больница с операционной и перевязочной. Она была рассчитана на 22 кровати, из которых 10 являлись именными. Учреждение именной кровати делалось за взнос в 5 тыс. р. В 1913 г. в больнице работали 34 врача, и их посетили 10814 больных. Все операции являлись бесплатными. Аптека также отпускала бесплатно лекарства бедным людям, а остальным гражданам – со значительной скидкой. При обители имелась библиотека в 2 тыс. томов. Книги выдавались читателям бесплатно. Для девочек круглых си-